Михаил Державин: СМЕЙТЕСЬ! ЭТО ПОЛЕЗНО

Так и есть: они не только вместе разыгрывают телеминиатюры, но и в театре—бок о бок — делят на двоих одну гримерную. Впрочем, еще до встречи с заслуженным артистом РСФСР Михаилом Державиным можно было почти наверняка предположить, что где-то поблизости окажется и Александр Ширвиндт. Уж больно прочен их дуэт на телеэкране — за ним угадывается нечто большее, чем профессиональное партнерство.

— Да, друзья сыграли в моей жизни не последнюю роль,— признается Михаил Михайлович.— С Шуриком, то бишь с Александром Анатольевичем, мы знакомы чуть ли не с пеленок. В прямом смысле — появились на свет в одном роддоме на Калининском проспекте. Он, правда, двумя годами раньше. С тех пор и неразлучны, ходим друг за дружкой по пятам, и в Щукинском училище, и после распределения взяли нас в один и тот же театр — имени Ленинского комсомола. Вместе ушли на Малую Бронную, а еще несколько лет спустя нас обоих сманил в Театр сатиры Андрей Миронов. Театр тогда только переехал в новое здание, все было необыкновенно, неизведанно, и даль открывалась светлая...

Выступления на эстраде рождаются у нас спонтанно, почти на ходу. Миниатюры в «Голубом огоньке», «Кинопанораме», в концертах — это обычно всегда экспромты.

Хороший театр всегда славился родством душ единомышленников. Театр — это и коллективное переживание, и коллективная игра. Я не верю в то, что отточенная, даже блестящая работа крупнокалиберных звезд обеспечит успех постановке. Зато верю в людей — от машиниста сцены до народного артиста, в их опыт и доброжелательность.

На репетициях в зале у нас всегда масса народу. И в порядке вещей, когда осветитель или суфлер подсказывают что-то дельное актеру. А тот, у кого в пьесе крошечный эпизод, может отозвать в сторонку и поучить наглядно: у тебя не получается — попробуй-ка сделать это вот так...

Часто спасает шутка. Если в нашем театре перестанут шутить — это уже трагедия. Чувство юмора вообще, по-моему, надо прописывать, как лекарство. От зазнайства, самоуверенности. От паникерства и малодушия. Того, кто не побоится посмеяться над собой, не выбьют из колеи неудачи и жизненные неурядицы, от которых не убережет и страховой полис.

— Вы предпочитаете оптимистов?

— Сам всегда стараюсь им быть. Как-то мы с Александром Ширвиндтом были в Новогорске — выступали перед нашей футбольной сборной как раз накануне одного из матчей. Дурачились, как могли,— два часа кряду ребята хохотали над репризами и нашими выдумками. Потом мы с замиранием сердца пошли на футбол, морозило нас, как в день премьеры. И ведь недаром старались, игра была отличная. Мы с Сашей чувствовали себя именинниками, как будто сами только что забили по голу. Вот и не верь после этого в силу смеха.

— В театре Вам удается балансировать на грани смешного и серьезного, смешного и грустного, смешного и уродливого...

— Подшучивать можно и над хорошим в принципе человеком. Вы часто встречали законченного, чистой воды подлеца? Вот и я нет. Тот же бюрократ может быть по-настоящему честным человеком, любящим отцом. А какой-нибудь примерный производственник — невыносимо ограниченным, самодуром. И если роль написана одной краской, ищу в ней еще и другую, нащупываю в характере неоднозначность.

Мне и актеры нравятся, которые в каждом спектакле могут быть разными, на сцене люблю театральность, само состояние игры, перевоплощение. Помню, еще в училище пытался преобразиться: в Москву тогда приехал на гастроли «Берлинер ансамбль». Нас с Женей Радомысленским, тогда студентов-щукинцев, взяли в спектакль Брехта «Галилей» выносить на носилках Галилея — Эрнста Буша. Вечером домой позвонила одна близкая мамина подруга: «Ты знаешь,— говорила она взахлеб,— только что видела немцев, там играет один — просто вылитый Миша...»

Театр — это всегда сюрприз. И для нас, и для зрителей. Представьте: живешь спокойно, размеренно, всем вроде бы доволен. Вдруг неожиданно тебе дарят то, о чем никогда не мечтал. И думать не смел.

Люблю такие сюрпризы и радуюсь новой роли. С какой стороны к ней подступиться, как поднять? Потом это уже как наваждение — роль начинает сниться... И как трудно, когда приходится с ней расставаться. Спектакли списывают в архив по разным причинам, а о ролях грустишь.

Вот недавно получил подарок: буду играть Епиходова в «Вишневом саде». Впервые Чехов в моей жизни — есть от чего разволноваться.

В мастерстве актера нет никакого «потолка», помните, как у Франса: если у вас есть талант на 100 франков, займите еще на двадцать су. Люблю учиться у коллег, хожу в другие театры не на громкие премьеры, не на модные аншлаговые пьесы. Выбираю спектакли-долгожители, пусть скромные, незаметные, не уязвленные стрелами критиков. Но они идут долго и зрителя чем-то подкупают, чем-то для него важны. Вот я и разгадываю: чем же?

— Вероятно, первым Вашим учителем был отец, Михаил Степанович Державин, замечательный артист театра имени Евг. Вахтангова? Многие театралы помнят его Кутузова, Егора Булычова, его работы в кинофильмах «Дело Артамоновых», «Великий перелом». Он и благословил Вас в театр?

— Когда я заканчивал школу, отца уже не было. А в детстве я и не подозревал, что в Москве, кроме театров, есть еще места, куда можно ходить на работу. Вся жизнь была в театре, там был центр Вселенной. Дома мы, дети, воодушевленно ставили сказки. Придумывали декорации, с азартом распределяли роли, шили костюмы. Помню кулисы нашей домашней сцены, из огромных географических карт — во время эвакуации мы оказались в Балахне и жили в школе. А после десятого класса все решилось само собой — следующий за моим подъездом был подъезд Щукинского училища.

— Михаил Михайлович, почему, в отличие от друзей, Вы не показываетесь в кино?

— Может быть, пока не пробил мой час? Георгий Павлович Менглет до определенного момента тоже почти не снимался. И вдруг — предложения посыпались как из рога изобилия. Вероятно, я еще «не дорос» до своего звездного возраста. И вот досада — только нацелишься на мощную, сильную кинороль, как ее уже успевает сыграть Табаков.

Возможно, я суеверно боюсь кино еще и потому, что привык чувствовать, что зритель — мой партнер. Как бы там ни было, пока все привязанности мои в театре. В нем все, что доставляет радость в жизни.

— Вас, конечно, узнают прохожие, просят автографы...

— Бывает. Недавно мы выступали в Кишиневе, заходим вместе с Александром Ширвиндтом в концертный зал «Октомбри». Привратник, по-южному пылкий, чуть не бросается к нам с распростертыми объятиями.

— Какая радость — видеть вас,— начинает примерно в таком духе.— Вот только не могу выговорить фамилию вашего друга, товарищ Дружинин...

В жизни много комичного, на это глаз уже наметан. Надо постоянно наполнять свою копилку, чтобы потом, на сцене, быть разным.

Беседу вела
К. ФОМЕНКО.

Фото М. НИКОЛАЕВА.

Комсомольская правда
г. Москва
25 ДЕК 1983